

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ВЛАДИМИР КОРН

АРТУА.
ЗОЛОТО ВАЙХОВ

РОМАН

Москва, 2012
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
К67

Серия основана в 1992 году
Выпуск 740

Художник
В. Федоров

Корн В.
К67 Артуа. Золото вайхов: Фантастический роман.— М.:
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012. — 344 с.: ил. —
(Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-1057-6

Чего можно добиться за три года существования в новом для тебя мире? Особенно если оказался там против своей воли, голый и босый. Наверное, многого, если обладаешь знаниями, которые будут доступны аборигенам этого мира лишь через несколько столетий.

Артуа же удалось добыть себе только баронский титул, черного коня аргхальской породы да маленький домик в столице Империи — Дрондере. Но есть мечта, есть планы и есть карта, полученная в обмен на утерянную любовь. И остается всего лишь пересечь пол-Империи, пройти степи, населенные дикими воинствующими племенами, разыскать в горах каньон, добыть находящееся там золото... и благополучно вернуться домой, чтобы приступить к реализации своих планов.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1057-6

© Владимир Корн, 2012
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012

Глава 1

РАЗРЕШИТЕ ПРЕДСТАВИТЬСЯ

Вставать было лень. Чтобы хоть как-то отсрочить тягостный миг, я оглядел комнату. Два окна, стол, стул, что-то вроде сундука и скрипучая кровать подо мной. Убогое зрелище, что и говорить. Но из всех комнат, рассчитанных на одного постояльца, только эта оказалась свободной.

Когда путешествуешь в одиночку, на такие вещи обращаешь особое внимание.

Ничего, десять дней пути — и я буду дома. Всего десять дней. Скорости здесь другие и жизнь другая. Более неспешная, что ли.

Дом, милый дом. Наконец-то он у меня появился. В чужой стране, в чужом мире. Но это мой дом. Первый, хотя мне уже скоро тридцать два.

Дом добротный, каменный, о двух этажах. Еще не особняк, но уже и не хибара. С небольшим двориком — и это почти в центре города! И не просто города, а столицы. Есть повариха и садовник, он же конюх.

Я нашел эту пожилую супружескую пару, когда они, обнявшись, сидели и глядели на пепелище родного дома. И такая тоска была у них в глазах... Понятное дело — ни жилища, ни родственников. Так что мое предложение было принято ими после недолгих уговоров. Хорошие люди. Мне даже пришлось их уговаривать — в такой-то ситуации!

Вообще, здесь, в этом мире, я уже почти три года. Как сюда попал — как-нибудь после расскажу, под настроение.

Дом да дворянский титул — вот пока и все мои приобре-

тения. С титулом забавная история вышла. Но об этом тоже потом. Вставать пора.

У меня и шпага есть — не из кочерги делана. Сталь синевой отдает, а как звучит при ударе! Еще есть конь аргхальской породы. Статный, выносливый, с длинными сухими ногами и маленькой головой — скакун, одним словом. Вороном зову, по масти. А еще есть огромное желание многого добиться в этом мире, коль скоро в родном мире мне это не удалось.

Так... Штаны, рубашка, сапоги, камзол, шляпа, шпага... Мушкетер, блин!

Спустившись на первый этаж, я заказал у трактирщика плотный завтрак с обязательной глазуньей. До вечера остановок не планировалось.

Публика в зале — ничего интересного. Разве что два типа в самом углу кого-то мне напоминают. Ну да бог с ними.

Застоявшийся Ворон нетерпеливо грыз удила. Даже посыпанной солью горбушке не так обрадовался, как седлу. Эх, молодость, молодость... Все вам дома не сидится.

Городок уже проснулся. В этом мире встают с первыми лучами солнца — электричества еще не изобрели. Значит, быть мне Эдисоном вкупе с Кулибиным. Можно даже на Николу Теслу замахнуться. Но сначала экономическая составляющая.

Вообще, путешествовать в одиночку в этих краях — верх безрассудства. Дороги беспокойны, недавняя засуха оставила многих без урожая, кроме того, как будут писать через много лет в газетах, произошел массовый падеж скота. Цены на продукты взлетели до немислимых высот. И это в краю, традиционно считающемся житницей Империи.

А кушать хочется. Крестьяне, да и не только они, балуются грабежом на имперском тракте. Да что там балуются — выжить они хотят! Поди объясни голодным детям, что в доме есть нечего.

До бунта дело не дошло: власти вовремя прониклись ситуацией и отправили обозы с зерном и мукой в пострадавшую от засухи местность. С одним из них я и прибыл в

Гойнт в сопровождении своего слуги Бробира, с которым расстался буквально на днях.

Имперские егеря тоже делают все что могут, виселицы у дорог не пустуют. Когда-нибудь все войдет в колею, а пока...

Ничего, самый опасный участок, Тейские степи, я уже преодолел, рассчитывая в основном на резвость и выносливость своего скакуна.

В Гойнте, небольшом городке недалеко от Сверендера, центра провинции Тосвер, я разыскивал одного человека, пообещавшего устроить встречу со своим знакомым, который в свою очередь мог свести меня с тем, кто был мне нужен. Вот так, не больше и не меньше.

Что самое интересное, тот, кто действительно был мне интересен, тоже проживал в столице Империи, Дрондере.

Цепочка разорвалась в самом начале, в Гойнте. Даже не знаю, печалиться мне по этому поводу или же, наоборот, радоваться. Слишком уж припахивало от этого дела, а я не могу позволить себе быть неразборчивым сразу по нескольким причинам. И самая главная из них та, что, если занимаешься подобными делами, начинаешь припахивать сам. Сначала едва уловимо, затем все больше и больше, и, наконец, уже ощутимо смердишь.

С Бробиром, своим последним слугой, я расстался не полюбовно, от души пнув подошвой сапога в пятую его точку, после того как он в очередной раз присвоил себе часть моих денег. Кстати, он уже третий слуга за время моего недолгого дворянства, и со всеми ими мне пришлось по разным причинам расстаться. Не держатся они у меня, видимо, потому, что я от них слишком многого требую: воровать в меру, держаться все время под рукой и хотя бы иногда просыпаться раньше хозяина.

Наверное, и на обратном пути мне следовало примкнуть к какому-нибудь обозу, следовавшему по Сверендерскому тракту в сторону столицы, но обстоятельства, обстоятельства...

Миновав городскую окраину, я пустил Ворона легкой

рысью, наиболее экономичным и комфортабельным в данной ситуации аллюром.

Имперский тракт, крытый каменными плитами, то и дело нырял в тень от растущих по краям деревьев, среди которых изредка попадались такие родные березы. Их было мало, и назывались они совсем по-другому, но один их вид вызывал в памяти воспоминания о далекой родине.

Так уж случилось, что я родился на берегу самого курортного моря страны. Затем меня, еще совсем маленького, увезли во глубину сибирских руд. Отец был романтиком, да и время было такое.

И самое мое первое детское воспоминание связано со стуком колес на стыках рельсов и мелькающими за окном вагона пейзажами нашей необъятной родины.

Другое, что я запомнил из раннего детства, был жуткий мороз, под шестьдесят градусов, как выяснилось уже потом, когда немного повзрослел. Меня не выпускали на улицу, и я развлекал себя тем, что оттаивал глазок на замерзшем стекле. Через него было видно, как мужик в расстегнутом полушубке, надетом на голое тело, и без шапки, скручивал железный трос, укладывая его на свой трактор. У каждого они свои, первые детские воспоминания.

Потом я немного подрос, и мы переехали в большой город, в теплую светлую квартиру, где по утрам зимой не надо было пробивать кружкой лед в ведре с водой. Мама почему-то увидела во мне великого скрипача, чуть ли не Паганини, и отдала в музыкальную школу по классу скрипки. Отец больше заботился о физическом воспитании и отвел меня в спортивную секцию. Причем выбрал достаточно экзотический вид спорта — фехтование.

Затем, когда я подрос и мнение родителей перестало быть решающим фактором, скрипку сменила гитара, а фехтование — бокс. Все крутые парни в нашем дворе умели брэнчать на гитаре и хорошо драться, именно они имели наибольший успех у девчонок. Так что мой выбор был осознанным...

Потом я умудрился получить образование, которое перестало быть нужным сразу же после того, как отработал по

специальности положенное число лет. А потом меня изрядно помотало по свету... В конце концов я пришел к выводу, что лучше умереть от скуки, чем от приключений. Другое дело, что приключения ищут меня сами и находят довольно успешно.

День уже близился к полудню, и мне все чаще приходила в голову мысль, что не мешало бы подкрепиться парочкой захваченных в дорогу чудных, запеченных в печи цыплят, когда мое внимание привлекли выстрелы, раздавшиеся совсем близко, сразу за поворотом дороги.

В этом мире огнестрельное оружие уже давно завоевало прочные позиции. Ружья и пистолеты имели кремневые замки ударного типа, но попадались еще и колесцовые. Я тоже имел на вооружении пистолет в седельной кобуре, но отношения у меня с ним были довольно сложные. Слишком уж к другому оружию я привык.

Направив рывком поводьев коня в густой подлесок, я осторожно приблизился, ориентируясь на шум продолжавшейся схватки.

Вообще-то места здесь относительно спокойные, это не окраины Империи, но нарваться на неприятность можно где угодно, это уж как повезет.

Между тем звуки боя нарастали. Снова хлопнул выстрел, потом раздались чей-то протяжный вой, проклятия, звон металла и короткий вскрик. Наконец в просвете деревьев я увидел следующую картину. Сразу за поворотом дорога устремлялась под уклон, к небольшой речушке с перекинутым через нее добротным каменным мостом. Возле него все и происходило.

С первого взгляда можно было понять, что здесь случилось нападение на карету, отмеченную гербом. Сам герб оттуда, где я находился, разобрать было невозможно, но что не имперский, это однозначно. У того уж очень характерные очертания, захочешь — не спутаешь. Так же как ни с кем не спутаешь разбойников — слишком колоритные личности, таких через пару веков в театрах играть будут, тщательно гримируясь.

К тому моменту как я подъехал, все уже закончилось

победой напавших на карету разбойников. Что и немудрено: бандитов было как минимум в два раза больше. Возле кареты, запряженной четверкой лошадей гнедой масти, лежали два трупа. Одно тело принадлежало мужчине в годах с обнаженной шпагой в руке. Другое — юноше, совсем мальчишке. Чуть поодаль имелось еще два, по всей вероятности, это были слуги, сопровождающие карету.

Ах да, вот еще и кучер — тоже мертвый.

Бандиты потеряли как минимум троих. И подранки есть — один стоит на коленях, раскачиваясь из стороны в сторону.

Живых бандитов осталось пять человек. Ага, теперь точно пять: того, что раскачивался, свои же вылечили одним взмахом кинжала. Теперь у него совсем ничего не болит.

От меня до моста совсем близко, даже обрывки фраз долетают, правда не очень разборчиво.

Засуетились бандиты. И действительно, что-то они слишком медлят — в любой момент на них может кто-нибудь наткнуться. Все-таки это имперский тракт, пусть и не с самым оживленным движением. Один из разбойников полез на козлы кареты, уселся поудобнее, разбирая поводья. Наконец тронулся с места.

Остальные осматривают тела погибших в поисках наживы. Что характерно, со своих начали.

Ну что ж, пора и мне определяться. Либо я тихо и мирно провожаю их взглядом, либо...

Их пятеро. А меня — всего один. И мне все это не слишком надо. Но...

Когда один из бандитов, долговязый такой, заглянул в карету, в ней явно кто-то находился. И, по-моему, женщина. И, по-видимому, совсем молодая.

Затем выяснилось, что это действительно так.

Но дело даже не в этом.

Когда бандит открыл дверцу, он громко, со смехом заявил, чтобы леди подождала немного, совсем чуть-чуть. Потом он наглядно покажет ей, чем отличается настоящий мужчина от ненастоящего, пусть даже и благородных кровей. Да и остальные ему помогут. От нее, мол, не убудет.

Если же и убудет, то совсем немного — не век же ей в девицах ходить. И в уговоре насчет этого ничего сказано не было, главное — живой довести. А кто ж от этого умирает? Громко так сказал, чтобы все свои услышали. И «свои» ответили ему одобрительным смехом.

Так не должно быть, честное слово. Но их целых пять. А я по-прежнему один.

Мне вспомнился Горднер — именно его я называю своим учителем — и наш разговор, когда мы больше недели ждали проклятых вирейцев в забытой Создателем деревушке.

— Ты думаешь, оттого что мы от скуки каждый день звоним этими железяками, ты становишься воином?

Я пожал плечами: трудно отвечать на вопрос, когда смысл его не совсем понятен.

— Ты отказался от приличных денег, предпочтя вместо этого получить баронство. Почему?

Я вновь пожал плечами. Вопрос на этот раз понятен, но на него трудно ответить. Как объяснить, что мне приходится опускать взгляд перед всяким ничтожеством только потому, что у него, в отличие от меня, на боку висит длинная заостренная железяка, как учитель только что назвал шпагу.

— Можешь не отвечать на этот вопрос. Мне и так все ясно. А видел ты, как валяются в ногах императора все эти герцоги и графы, вымаливая себе прощение? Да-да, я видел это собственными глазами, — ответил он на мой невысказанный вопрос.

— Я не стану так делать, что бы ни произошло! — По крайней мере, сам я верил в свои слова.

— Вот потому-то ты мне, наверное, и интересен, — задумчиво произнес Горднер. — Теперь слушай внимательно и запоминай на всю жизнь — не знаю, сколько там у тебя ее осталось. Воином ты станешь в тот же момент, как только поймешь, что умер еще вчера... — И он замолчал, уставившись на меня тем самым взглядом, который трудно, почти невозможно выдержать.

Я же смотрел на его пояс, пытаюсь обнаружить там ката-

ну. Слишком по-самурайски он рассуждал, прямо кодекс Бусидо зачитывал.

Нет, катана отсутствовала напрочь. Была только шпага, ножны с дагой и пистолет с колесцовым замком. Горднер предпочитал именно такие.

— Каждый день ты должен думать, что умер накануне, — продолжил он. — А если ты умер еще вчера, тебе нет смысла бояться смерти сегодня. Любой из нас представляет собой то, что о себе думает и в чем не сомневается. Ты воин, хороший воин, но только уже мертвый. По-настоящему же ты умрешь в тот самый миг, когда засомневаешься в этом. Иди и подумай...

Я до сих пор думаю, Горднер. И если бы хоть раз засомневался...

Карета уже преодолела мост, когда я шенкелями послал Ворона вперед.

Момент самый удобный: только один из них успел усесться верхом, поторапливая остальных, отмывающих в речной воде руки от крови.

Вот к нему-то я и направился, разгоняя коня. Он среди них главный, этот человек в шляпе с широкими обвисшими полями и с коротким артиллерийским палашом.

Лошади аргхальской породы славятся еще и тем, что могут так взять с места в карьер, как другим скакунам даже и не снилось.

Разделяющее нас расстояние мы с Вороном преодолели буквально за несколько мгновений. Главарь среагировал похвально быстро, судорожно схватившись правой рукой за эфес клинка. Когда мы с ним поравнялись, он уже был готов к отражению моей атаки. Но секундой раньше я направил движение Ворона чуть в сторону, даже не пытаясь замедлить его бег.

Весь расчет был на то, что длина шпаги значительно превышает длину его палаша. Расчет полностью оправдался. Пронесаясь мимо, я сделал выпад, наклонившись в его сторону и целясь в горло. Цель не очень удобная из-за своих размеров, но если попадешь — эффект потрясающий.

Я попал точно в цель, резко подав локоть вперед, чтобы

не остаться без оружия. Такое бывает, если лезвие слишком углубится и застрянет в теле врага. Клинок выдержал, не сломался, хотя удар получился знатный. Уже на середине моста придержал Ворона, разворачиваясь.

Мой противник сползал с лошади, держась обеими руками за развороченное горло и пуская кровавые пузыри. Неэстетично как-то получилось. Ну да ладно. Осталось еще три бандита здесь и один на козлах кареты, но она уже далеко, почти в конце подъема.

А тут остальные, все трое. Ну что ж, это уже терпимо.

Как же мне все-таки повезло, что я нарвался на обычную банду «романтиков с большой дороги». Будь они чуть серьезней — раскатали бы меня тонким слоем и ноги вытерли. Взять, например, вот этого бородача, что с коротким прямым тесаком. Ну видно же, что человек больше к вилам привык и, будь они у него в руках, мне со своей шпагой куда как плохо пришлось бы. Да чего там — совсем кисло. А так даже смешно смотреть на его потуги.

Мой учитель фехтования, тот, которого я считаю лучшим из всех, с которыми мне посчастливилось встретиться, Эрих Горднер, делал ставку на скорость.

«Скорость и еще раз скорость», — была его любимая фраза. Отличный учитель и настоящий мастер. Жаль, что он смог уделить мне только три месяца. Всего три месяца. А потом наши пути разошлись — так сложились обстоятельства.

Направив коня по дуге, чтобы не слишком приближаться к бандитам, я переложил пистолет в правую руку, поменяв его со шпагой. Маловато еще опыта, чтобы стрелять с левой, да еще из допотопного оружия...

Мой выстрел попал в ногу того самого бородача, хотя, врать не стану, целился я в грудь. Бандит с воем упал на землю — больно, наверное.

Вот теперь мне необходимо спешиться: все-таки на земле я чувствую себя более уверенно, чем верхом. Я и на лошадь-то сел только три года назад, когда попал сюда. Было, конечно, раньше несколько конных прогулок, я даже знал, что на лошадь надо садиться с левой стороны. И на этом все.

Соскользнув с Ворона и хлопком ладони по крупу от-

правив его погулять, я застыл, ожидая, что же предпримут оставшиеся разбойники.

Бородача можно не принимать в расчет. Хоть пуля и попала ему в ногу, но слишком уж много крови, — вероятно, перебита бедренная артерия. А это все, абзац.

Оставшиеся двое тоже явно не бывали в солдатах.

Тот, что слева, с кавалерийской саблей, слегка изогнутой, как и положено. Он что, рубиться со мной собрался? Вон как эфес обхватил — большой палец остальные прижимает. Но у меня же шпага, сударь, тебе же так неудобно будет, ты уж поверь мне на слово!

Сделав шаг навстречу, я выполнил длинный скользящий выпад. Укол! Шпага вошла неглубоко, буквально сантиметра три, не более. Но эти три сантиметра оказались в ямке между ключицами. Так, теперь резко уходим влево. Пока он еще не упал, послужит препятствием для оставшегося оппонента. Еще нужно шпагу немного повернуть, чтобы рана расширилась насколько возможно.

Горднер успел лишь поверхностно ознакомить меня с великим искусством фехтования, возведенным в Империи чуть ли не в ранг религии. Несколько основных позиций, ударов и уколов. Все это было и знакомо, и очень отличалось от того, чему меня когда-то учили.

Еще он указал мне путь, по которому нужно двигаться.

— Великие мастера, — говорил он, — пользуются базовыми приемами, но отточенными до совершенства. Изучив со временем огромное количество приемов и комбинаций, они возвращаются к тому, с чего начинали.

Нечто подобное, будучи еще на Земле, я слышал о боевых искусствах Востока. Любое базовое движение универсально, будь то защита или нападение. Все остальное — это вариации на тему. И я склонен ему верить.

Очень интересна методика работы над скоростью, которую он мне предложил. Полностью она изложена в такой фразе: «Хочешь научиться делать что-то быстро — научись делать это медленно. Очень медленно. Очень, очень медленно. Когда самый простой выпад со шпагой будет зани-

мать у тебя несколько минут, ты сможешь сделать этот же выпад быстро. Очень быстро. Очень, очень быстро».

И третье: состояние. Необходимо войти в состояние холодного гнева. Не ярости, но именно гнева, когда по венам хлещет адреналин, все вокруг замедляется, ты чувствуешь способность порвать весь мир голыми руками, но голова остается ясной. Вызвать в себе это состояние достаточно просто — труднее удержаться в нем хоть какое-то время. Правда, это умение тренируется — ну как задержка дыхания, например...

Так. Теперь последний, может быть, даже самый серьезный противник.

Долговязый, со шрамом через всю левую щеку, вздымающим верхнюю губу так, что видны крупные желтые зубы. У него маленькие бегающие глаза мутного цвета, низкий лоб и выдвинутая далеко вперед нижняя челюсть. Отвратный тип, чего там говорить.

Спрашивается, чего же пистолеты никто из них не стал перезаряжать? Не так уж много времени это занимает. Насколько мой противник чувствовал бы себя комфортней, будь у него сейчас пистолет не за поясом, а в руке...

Рывком перемещаюсь вправо и задействую подсветку. Солнышко теперь у меня за спиной — совсем маленькое, но преимущество. А ведь ты меня боишься — вон как глазки по сторонам забегали. Нет, убежать не получится, и помощи ждать неоткуда. Главный ваш там, где ему уже давно следовало быть, а остальным самим помощь нужна.

Последний напал, я в ответ поочередно уколол его в грудь и в колено. В колено попал. Славненько. Опять атакуем тем же манером, но добавляем еще третий удар — снова в грудь. Вот теперь попал как надо. Туше.

Все это хорошо и отлично — великие методики, мудрые учителя... Но достигнуть прогресса можно только практикой. А вот как раз ее у меня столько, что я с огромной радостью поделился бы с кем угодно, причем абсолютно бесплатно. Чуть ли не с первого дня пребывания в этом мире мне только и приходилось практиковаться. Вся эта практи-

ка заключалась в том, что я пытался выжить. К счастью, это у меня получилось.

«Да, — уже верхом на лошади подумал я, в последний раз оглядывая место нашей схватки. — Ты мужаешь, и это становится заметным. Мог ли ты представить себе всего три года назад, что способен на такое? Да что там три — даже пару лет, когда ты уже считал, что стал настоящим бойцом. А сейчас ты просто не можешь позволить себе этим гордиться. Подумаешь, разогнал кучку бывших крестьян, возомнивших себя воинами...»

Карету я догнал быстро.

Несомненно, взявший на себя обязанности кучера разбойник ждал подельников, поскольку ехал медленно и все время оглядывался. К нему я решил применить ту же тактику, что и к главарю, и это чуть не стоило мне жизни.

Когда я поравнялся с каретой, опять рассчитывая на длину своей шпаги, он направил на меня взведенный пистолет. Я отчетливо увидел черный зрачок ствола, наведенного мне точно в лоб, и с ужасом понял, что уже ничего не успеваю сделать.

Спас меня небольшой камень или выбоина: карету заметно трянуло, сбивая верный прицел. Почти у самого лица громынуло, обдав кислым запахом сгоревшего пороха и отбрасывая назад.

«Цел как будто, — пронеслось в голове. — Только щеку опалило».

Кучер зло ощерился, доставая второй пистолет. Ну уж нет, ведь второй раз он и попасть может!

Я с потягом ударил его по правой руке, промахнулся, но все равно вышло здорово: клинок шпаги попал по левому плечу, перерубив ключицу. Уже рефлекторно он нажал на спуск, угодив в одну из лошадей, запряженных в карету. Этим все и закончилось.

Бедная лошадка рухнула, резко затормозив бег остальных. Возница, не удержавшись, полетел вперед, на дышло упряжи, а уж затем на землю.

Карета остановилась, и я извлек из-под нее стрелка, потянув его за ноги. Разбойник был без сознания, крепко

приложившись по дороге к земле головой. Это хорошо, живой ты нам дороже, языком будешь.

Связав бандиту руки его собственным поясом, я открыл дверцу кареты. Первое, что увидел, было направленное мне в лицо дуло небольшого дорожного пистолета — такого, знаете, со складывающимся спусковым крючком. И потом — бледное лицо девушки, державшей пистолет дрожащими руками. Ну на поцелуй я и рассчитывал. Слава богу, что все обошлось и она смогла удержаться от выстрела.

Кстати, спасенная мною девушка оказалась весьма недурна собой, прямо по закону жанра.

— Леди, поверьте, все уже закончилось, — обратился я к ней. — Вам больше ничего не угрожает. Слово дворянина. Вы ведь из рода Вандереров?

Герб на карете принадлежал Вандерерам, роду древнему и достаточно влиятельному. Вообще, геральдике местная знать придавала огромное значение. Какой-нибудь захудалый дворянин из окраинной провинции мог быть полным невежей абсолютно во всем, но что касается геральдики... Любой из них мог часами рассуждать о своих и чужих родословных, гербах, степенях родства *et cetera*.

Мне в свое время удалось вдолбить себе в голову информацию о наиболее известных и значимых семействах. Десятка полтора, не более, хотя только в Империи их насчитывалось не менее двух сотен. Но как раз Вандереры входили в список известных мне родов. Вспомнилось даже что-то об их притязаниях на трон.

Вместо ответа она присела на порог кареты и горько разрыдалась. Обычно женские слезы не вызывают во мне жалости, но сейчас был совсем не тот случай.

Я пристроился рядом и обнял ее за плечи. Она уткнулась лицом мне в грудь и продолжила свое мокрое дело. Через некоторое время до нее наконец что-то дошло — и она резко отстранилась.

— Кто вы, сударь? — спросила она, с опаской всматриваясь в мое лицо.

Заодно уж представлюсь и вам:

— Барон Артуа де Койн, миледи, к вашим услугам.

А что? Имя как имя, по-моему, вполне прилично звучит. Я его сам и придумал, когда получал это самое дворянство. Мое земное имя тут не каждый герольд выговорит, даже если по слогам. Дворянские же сословия вполне соответствуют земным, здесь вообще очень много общего.

Но об этом потом, сейчас нужно решать, что делать дальше.

— Элоиза Вандерер, дочь герцога Вандерера, — представилась девушка, забавно склонив голову набок. — Вы точно не принадлежите к числу этих негодяев?

Спросила так, будто я могу принадлежать к числу других негодяев.

— Успокойтесь, леди. Теперь все будет хорошо, уверяю вас. Успокойтесь и постарайтесь объяснить, что здесь произошло.

«Умно-то как, — пронеслось в голове. — Ты же сам знаешь об этом больше нее, практически на глазах все произошло. Лучше давай поторапливайся, — возможно, у них сообщники есть».

Так и не пришедшего в себя разбойника я затащил в карету.

Пусть герцог сам разбирается — то ли это случайное нападение, спровоцированное слишком малым количеством людей в свите, то ли запланированное действие его возможных недоброжелателей. Хотя, если судить по подслушанным мною обрывкам разговора, это заказ... Все равно, пусть герцог сам разбирается.

Девушка наотрез отказалась садиться в карету. Так мы и поехали — я на облучке, вместо кучера, а Элоиза рядом со мной. Девушка еще вздрагивала, вспоминая пережитое. Шум схватки, гибель близких людей, кровь повсюду. Сзади, на подоле ее платья, осталось несколько пятен крови. Хорошо, что она еще не обратила на них внимания, — не обошлось бы без истерики.

Думаю, что выслушивать эротические фантазии того гнилозубого мачо тоже не доставило ей особого удовольствия.

Я вовремя одумался и не стал добиваться от нее подроб-

ностей происшедшего события. В этом случае девушке пришлось бы пережить все заново. Вместо этого я постарался отвлечь ее, спрашивая о чем-то не относящемся к делу и рассказывая все, что приходило в голову. Сначала она поглядывала на меня недоуменно, но потом, догадавшись, бросила благодарный взгляд.

Так мы и ехали, пока не достигли имения графа Юлина Стойна, с семейством которого Элоиза оказалась близко знакома. Девушку я передал с рук на руки леди Сауасель, жене Стойна. Самого графа в имении не оказалось, он находился в столице.

Элоиза расплакалась сразу же, как только почувствовала на своих плечах руки графини. Все равно молодец, столько времени держалась и только сейчас расслабилась, почувствовав себя в безопасности.

Сам я отказался от гостеприимства хозяйки, сославшись на страшную спешку. Ворон, всю дорогу бежавший на привязи за каретой, гневно фыркал. Я отвязал его и, откланявшись, покинул поместье.

Глава 2 ДИАНА

Вернувшись в Дрондер, я обнаружил среди корреспонденции приглашение в дом графини Эликондер. Это было не первое ее приглашение, и я не проигнорировал ни одного. Леди Мариэль симпатизировала мне, но явно не по той причине, что первым делом приходит в голову. Слегка за пятьдесят, вдова, графиня была мне очень благодарна за то, что однажды я принял самое активное участие в судьбе ее младшего сына...

Как-то раз, еще в самом начале столичной жизни, я возвращался домой довольно поздно и не в самом лучшем настроении. В тот день мне довелось в первый раз побывать на великосветском рауте. Все было великолепно, я познакомился с одной из прелестных дам, присутствующей на вечере. Мы очень мило общались, и разговор уже дошел до

того, что нам необходимо сейчас же поехать посмотреть ее прекрасную коллекцию фарфоровых безделушек. Мы также сошлись во мнении, что середина ночи — самое удачное время для этого, и я уже размечтался, что сумею удивить красавицу количеством доселе ей неведомых любовных позиций, когда она срочно покинула вечер. Не знаю, что за записку передал ей слуга, но лицо ее омрачилось, и она спешно уехала.

Моя новая знакомая при расставании вздохнула с таким искренним сожалением, что это послужило для меня легким утешением. Я тоже раскланялся с гостеприимными хозяевами и поехал домой. На подобные мероприятия не принято приходить пешком, поэтому наемный экипаж терпеливо меня дождался. Когда мы миновали площадь Трех Фонтанов и до моего дома оставалась меньшая часть пути, произошла наша встреча с молодым графом, сыном леди Мариэль.

Дуэли в Империи обычное дело, несмотря на крайне негативное отношение к ним императора Конрада III. Но дуэли обычно подразумевают равное количество участников, присутствие секундантов и лекарей, а также заранее оговоренное место. Сейчас же передо мной предстала картина, которую иначе как избиением не назовешь. Три дюжих мужика с дубинами окучивали двух юнцов, причем один из них уже лежал на брусчатой мостовой. Второй, прижатый к стене дома, пытался противостоять обломком шпаги палкам наседавших на него противников.

Кучер попытался было прибавить ходу, но я вырвал у него кнут и поспешил на помощь.

Словом, вдвоем мы управились. Кнут — вообще отличная вещь, когда действуешь им умело. Вот так и состоялось наше знакомство с сыном леди Мариэль.

Через несколько дней мне пришло приглашение от Эликондеров, и Андригус, молодой граф, представил меня своей матери. Не знаю, что он там наговорил, но она посчитала меня чуть ли не спасителем своего непутевого сына. Андригус, кстати, так и не рассказал, что стало причиной его конфликта с мастерами оружейного цеха. Сам он

тогда легко отделался, а вот спутник его пострадал, причем серьезно.

В доме Эликондеров я и познакомился с Дианой.

Леди Диана, урожденная герцогиня Лилойская, по мужу графиня Дютойл, принадлежала к типу тех красавиц, которых по праву называют роковыми.

Ее муж, граф Антуар Дютойл, был старше своей супруги на пару десятков лет, но, рано овдовев, она и не подумала вновь выходить замуж. Муж оставил ей огромное состояние, а она была молода, красива и пользовалась грандиозным успехом у противоположного пола. Что еще нужно?

Она не разбивала семей и не уводила женихов прямо от алтаря, хотя с легкостью могла все это делать — при желании. Но поклонников графиня меняла как те самые перчаточные словушки. Говорят, у нее в ногах валялся сам принц Стенс, наследник престола королевства Монтарно, соседней с Империей державы. Но Диана отказала ему во взаимности, мотивируя тем, что ей не нравятся манеры принца.

Леди Мариэль сама представила меня Диане — это случилось во время второго визита в дом Эликондеров. Графиня оценила мои комплименты, посмеялась моим шуткам, и мы оба поняли, что рано или поздно окажемся в одной постели.

А потом на очередном рауте в доме леди Мариэль я вновь повстречался с Дианой. Меня поразил ее внешний вид: она выглядела бледной копией самой себя, хоть и старалась держаться весело. Но тщательно заретушированные тени под глазами, тусклый взгляд обычных сияющих глаз и усталый голос выдавали, что с ней определенно случилась какая-то неприятность. Я поинтересовался причиной таких внезапных перемен, но Диана не хотела ничего объяснять. Мне пришлось проявить изрядную настойчивость, чтобы она приоткрыла часть своей тайны.

В руки одного из поклонников Дианы, долго ею отвергаемых, попало письмо, способное наделать очень много шума, в том числе даже при императорском дворе, если бы было обнародовано. И вот теперь человек, в чьи руки попа-

ло письмо, открыто шантажировал Диану, наконец-то получив доступ к тому, в чем ему много раз было отказано. Однако Диана не из тех птичек, что могут жить в клетке, пусть даже и золотой.

Но не это было самое страшное.

— Понимаете, Артуа, — произнесла она голосом, от которого у нормального мужчины все тело начинало вибрировать, — к сожалению, это касается не только меня. Если письмо станет достоянием гласности, могут пострадать очень многие люди...

Не знаю, что ее заставило довериться мне, человеку в общем-то малознакомому, — не иначе крайняя степень отчаяния, но я сумел ей помочь.

Буквально через день, в стужающихся сумерках я прокрался через сад к особняку человека, владеющего письмом, и взобрался на второй этаж. Он как раз готовился нанести визит Диане и прихорашивался, мурлыча что-то себе под нос. Дождавшись, пока слуга выйдет из комнаты, я натянул на голову вязаную шапочку с прорезями для глаз, засунул в рот два ореха и, благодаря открытому окну, легко очутился в комнате. Орехи во рту не лишняя предосторожность: общеимперский дался мне легко, но небольшой акцент все же еще присутствовал.

Очутившись в комнате, я буквальным образом выбил из него письмо, действуя в основном ногами. Затем покинул комнату — снова через окно. Переполох в доме начался тогда, когда я уже перелезл стену, огораживающую сад, расположенный с тыльной стороны особняка.

Да, я здорово рисковал, но Диана такая женщина, ради которой мужчины умудрялись совершать и не такие безумные поступки.

Потом мне пришлось скоротать время в одной из таверн. А ближе к утру, также через окно и тоже на втором этаже, я прокрался в спальню Дианы и залюбовался ее лицом, грустным даже во сне. Так и не решившись ее поцеловать, вложил в руку письмо и, оставив на подушке алую розу, ретировался. Почему-то в тот момент я беспокоился

не о том, что меня увидят и примут за ночного вора, нет — Диана могла уколоться во сне шипами.

С тех пор прошло больше месяца, и мы с ней ни разу не виделись.

Прибыв в дом графини, я первым делом отправился к хозяйке, чтобы выразить свое почтение, как и предполагается правилами хорошего тона.

Каждый раз при нашей встрече леди Мариэль шуточно спрашивала меня, не собрался ли я наконец жениться, и всегда предлагала свою помощь. Я обычно отшучивался, что ищу девушку, похожую на нее, но, увы, таких больше нет. Вот и на этот раз мы обменялись репликами в том же духе, и я был благосклонно отпущен.

Я любил бывать в этом доме не только из-за доброго отношения хозяйки. На вечерах графини всегда присутствовала легкая, дружелюбная атмосфера, и многим из гостей нравилось навещать леди Мариэль именно по этой же причине. Создать такую атмосферу очень сложно и получается далеко не во всех домах, как бы ни старались хозяева. Графине же это удавалось без малейших усилий.

— Артуа, — послышался сзади чудный знакомый голос. Обернувшись, я обнаружил прежнюю Диану — веселую, цветущую, в открытом вечернем платье с глубоким декольте и в неприменном окружении поклонников.

— Потрясающе выглядите, леди Диана... — Вот и все, на что меня хватило — настолько очаровательно она выглядела.

— Мне нужно с вами поговорить, барон. — Взгляд ее стал очень строгим, как будто я действительно серьезно провинился перед ней. Подхватив под руку, она отвела меня подальше от ушей и глаз своих воздыхателей.

Когда мы остались наедине, Диана все так же строго произнесла:

— Рассказывайте, барон, почему вы меня избегаете.

— Ну что вы, леди Диана, разве хоть одному из видевших вас мужчин придет в голову подобное? Меня не было в столице около месяца, и всего лишь... — начал активно оправдываться я.

— Да? И как же ее зовут?

— Леди Удача, но на этот раз она от меня отвернулась. — Я старался не смотреть туда, куда хотелось смотреть больше всего на свете. Но разве от женщины можно скрыть свой интерес, тем более если она намеренно обращает на себя внимание?

— Я очень благодарна вам, Артуа... — начала Диана, но я перебил ее:

— Насколько благодарны? — Меня ошутимо потряхивало от ее близости, настолько она была хороша.

— Даже в большей степени, чем вы можете себе представить. — Диана смотрела на меня смеющимися глазами, но лицо ее при этом оставалось совершенно серьезным.

— Тогда почему мы еще здесь?

— Ну существуют же правила приличия...

— Именно поэтому вы еще в одежде, — честно признался я.

Диана рассмеялась своим волшебным, чарующим смехом, и мне пришлось отступить на пару шагов назад, от греха подальше.

Час спустя мы покинули гостеприимный дом. Диана откланялась хозяйке, я же решил исчезнуть по-английски.

Дом мы покидали поодиночке. Как же, все могут знать, но никто не должен видеть — именно так говорили французы.

У самых дверей меня застиг довольно ехидный голос леди Мариэль:

— Господин де Койн, вы нас уже покидаете?

Да уж, спрячешь здесь хоть что-нибудь... Знать занимается этими играми чуть ли не с детства. Мне ли пытаться ввести в заблуждение хотя бы самых бестолковых из них? Я с сожалением развел руками: извините, мол, такая уж я бестолочь, опять забыл выдернуть утюг из розетки.

Леди Мариэль с улыбкой погрозила мне пальцем, но затем подмигнула с самым заговорщицким видом, всем своим видом показывая, что рада за меня и за мой выбор. Вот тебе и графиня в двухсотом поколении. Или сколько их там у нее?

Целоваться мы начали еще сидя в карете, везшей нас к дому Дианы. Оказавшись в ее спальне, я не стал сдерживать себя — слишком она меня волновала.

Когда у нас случилось то, чего мы оба желали, Диана тихо прошептала:

— Артуа, только не смей думать, что таким образом я решила выразить свою благодарность.

— Ну что вы, леди Диана. Я отлично понимаю, что вы безумно влюбились в меня буквально с первого взгляда и специально придумали предлог, чтобы добиться своего. — Все это я произнес совершенно серьезным тоном. Да еще и с интонациями человека, которого подобные домогательства безумно достали и который всерьез задумывается над тем, чтобы укрыться от них в монастыре.

Забавно было видеть ошарашенное лицо Дианы, ее открывшийся от удивления прелестный ротик. Она приподнялась на локте и изумленно посмотрела на меня, лежащего на спине с самодовольной улыбкой.

Так и не решив, серьезно я это говорю или шутки у меня такие, Диана сказала:

— Ну и нахал ты, Артуа!

— Зато целуюсь хорошо, сама говорила, — парировал я.

— Ну если вдуматься, не только целуешься, но все равно ты нахал, каких свет еще не видывал...

Мы встречались с Дианой очень часто, чуть ли не каждый день, за исключением тех вечеров, когда она бывала в императорском дворце. Графиня практически забросила светскую жизнь — нам было очень хорошо вдвоем, и никого не хотелось видеть. Мы даже похудели в результате наших постоянных постельных баталий и сами смеялись над этим.

Я приобрел двухколесный экипаж, на котором мы часто катались в окрестностях столицы. Недалеко от Дрондера есть живописнейшее озеро со многими поросшими зеленью островками. Взяв лодку, я катал Диану по озеру, усадив ее на заднюю скамеечку — кормовую банку, если угодно.

Иногда, засмотревшись на нее, я чуть не доводил дело до

кораблекрушения, и тогда она, смеясь, брызгала на меня водой, приводя в чувство.

Мы высаживались на одном из островков, я разбивал небольшой шатер, доставал из лодки корзинки с продуктами и вином — словом, получался настоящий пикник. Ей очень понравилось это новое для нее слово, и всякий раз, услышав его, она весело смеялась — уж не знаю почему.

Мы много разговаривали. Диана рассказывала мне о столичной знати, ее обычаях, привычках, традициях, родословных — словом, обо всех тех вещах, знания о которых мне были необходимы, поскольку я собирался жить в этой среде. Еще я брал с собой гитару и с удовольствием пел ей — она так трогательно слушала, уперев подбородок в кулачок. Больше всего Диане нравились романсы, а самый ее любимый мне приходилось исполнять по нескольку раз. Что-что, а петь у меня всегда получалось хорошо, и если бы тогда, в том мире, все сложилось удачно, то возможно... Да что теперь об этом говорить.

Местная музыка вовсе не примитивная, самое полное представление о ней можно получить, если вспомнить, какой она была в Европе лет триста назад. Видимо, человечество везде развивается по одним и тем же законам, но мне самому судить об этом сложно, не хватает знаний.

Наше безумие продолжалось больше месяца, а потом пришлось расстаться.

Однажды, на очередном свидании в доме графини, я заметил, что она чем-то очень опечалена. Диана, в этот раз сама нежность, рассказала мне причину своей печали.

Ее мама, герцогиня Лилойская, опять собралась умирать. Последние несколько лет она делала это не реже раза в год, иногда даже чаще. Герцогиня безвылазно жила в одном из своих поместий на морском побережье, и всякий раз, решив, что дни ее сочтены, рассылала детям письма о своей близкой кончине.

— Это уже стало семейной традицией, — рассказывала Диана. — Раз в год мы собираемся всей семьей, гостим у нее, и маме сразу становится лучше. Моим братьям легче — оба они на службе и не имеют возможности задерживаться

надолго. Мне же приходится отдуваться за всех. Иногда я задерживаюсь там надолго, бывает, что и на пару месяцев, представляешь? Мама ни за что не желает переезжать в столицу — климат ей не подходит.

— Что, у герцогини действительно проблемы со здоровьем? — посочувствовал я.

— Если бы, Артуа, если бы. Здоровье у нее отличное, а вот все остальное...

Да, письмом все у нас началось, письмом и заканчивается. Два месяца — срок приличный, и многое может произойти.

— Я тоже буду очень скучать по тебе, — заметила выражение моего лица Диана. — Ты знаешь, Артуа, конечно же у меня никогда не было столько мужчин, скольких мне приписывают, но из всех тех, которые действительно у меня были, ты лучший, и ни с кем другим мне не было так хорошо. И еще, ни с кем другим я не встречалась так долго. Обычно они надоедали мне после двух-трех свиданий. Я, наверное, мерзкая?

— Нет, девочка, ты тоже самая лучшая из всех моих женщин, самая сладкая, самая пылкая и самая нежная. Самая-самая, — прошептал я Диане на ушко, нисколько не кривя душой, и поцеловал ее в сладкие губы.

— Подожди минутку, Артуа, — сказала Диана.

Легко соскользнув с постели, она подошла к бюро и принялась в нем что-то искать. Света от одинокой свечи хватало, чтобы в полной мере насладиться красотой ее великолепной фигуры, отчетливо видимой на фоне незашторенного окна.

— Диана, если бы у меня имелся талант живописца, я бы заработал кучу золота, рисуя твои портреты в жанре ню.

Девушка улыбнулась, на миг оторвалась от своих поисков, приняла несколько завлекательных поз — и снова углубилась в недра бюро. Я лежал и любовался, моля только о том, чтобы то, что она ищет, оказалось где-нибудь высоко, например на верхней полке. Очень красивое зрелище, когда женщина тянется ввысь, а если при этом она обнажена и имеет потрясающее тело...

Но у бюро нет высоких полок, зато имеется множество отделений, что тоже очень приятно.

Наконец Диана нашла то, что искала, и вернулась в постель с приличным конвертом в руке.

— Вот, Артуа, я хочу сделать тебе подарок... — начала она. — Артуа, я просила тебя слушать, а не смотреть.

Ну да, легко сказать! Свеча горит совсем близко — сама же переставила ее поближе...

— Я хочу тебе сделать подарок, — повторила она.

— Диана...

— Да знаю я, знаю. Ты сам мне говорил, и не раз, что там, откуда ты родом, принято задаривать подарками своих женщин, а не наоборот. Здесь же совсем другое дело, ты сначала выслушай.

Диана немного собралась с мыслями и начала:

— Мой муж был кем угодно, но только не глупым человеком. Так вот, однажды я подслушала очень интересный разговор...

Покойный муж Дианы, граф Дютойл, был очень деятельным человеком, и его интересы лежали в самых различных областях. Среди имперской аристократии совсем не считалось зазорным заниматься торговлей, промышленностью, наукой, не говоря уже о политике. Во всем, за что он брался, граф был успешен и оставил своей жене огромное состояние.

Но подслушанный Дианой разговор был совсем о другом. Один из работающих на него людей привез ему сведения о золоте. Не о сокровищах, закопанных под дубом на приметной горе или в тайной пещере, а об одном из урочищ в Энейских горах, где, по словам этого человека, золота было очень много.

— Так вот, — продолжала Диана, потрясая конвертом, — в этом пакете подробные карты с указаниями, как туда попасть. Это место на самой границе Империи, я узнавала. Там живут дикие племена кочевников. Артуа, ты возьмешь конверт и уже сам решишь, что делать дальше. Этот человек рассказывал, что золота там много, очень много. Он привез два самородка, можешь сам на них посмотреть.

— А где сейчас этот человек, который привез карты и самородки?

— Его нашли мертвым в квартале, где очень много заведений с девочками — ну ты понимаешь. Муж очень расстраивался из-за этого, но и сам его ненадолго пережил.

...Да, если золото там действительно есть, то это многое меняло в моих планах. Можно разом решить главную проблему, которую я назвал экономической составляющей. Есть над чем подумать.

— Ты возьмешь пакет, Артуа? — с надеждой спросила Диана.

— Конечно, возьму, милая моя девочка. Я привезу много золота, и мы с тобой его поделим.

— А вот этого не будет. Нет, Артуа, и еще раз нет. Мне своего хватает, я девушка небедная. Вот чего мне не хватает — так это твоего поцелуя прямо сейчас. Ну, может, еще чего-нибудь...

Мы расстались с Дианой через день, почему-то оба понимая, что вряд ли у нас повторится то, что было. Я смотрел, как она садится в карету, и больше всего мне хотелось остановить ее, прижать к себе и никуда не отпускать. И она ждала именно этого, только понял я это слишком поздно.

Глава 3 КОЛЛАЙН

Прошло около месяца после расставания с Дианой. Я сидел в своем кабинете, в очередной раз перебирая бумаги из подаренного пакета. Все карты и схемы с сопроводительными записками уже давно отложились в моей памяти. Путь к Энейским горам, где в одном из урочищ обнаружено золото, займет примерно месяц. Все необходимое снаряжение и оборудование заказано, будет готово через неделю. Осталось решить главный вопрос: где взять людей? Надежных людей...

Это являлось серьезной проблемой, и решать ее надо было быстро. Времени потеряно достаточно. Организовыв-

вать предприятие с кем-либо на паях я не хотел ни при каких условиях. И не от жадности, это был просто холодный расчет. Мало найти золото, нужно еще вернуться живым. А кому можно доверять в таких случаях? Да никому.

Нет, конечно, людей порядочных полно, но где они? Я с ними не знаком. Вернее, с некоторыми знаком, но вряд ли смогу уговорить их на столь явную авантюру.

Кроме того, в горах беспокойно, местные племена традиционно занимаются разбоем. И это еще одна проблема. Словом, мне нужны люди, к которым можно повернуться спиной и которые способны постоять за себя, если на нас нападут разбойники.

За окном опускалась ночь. Пора выходить из дома: у меня сегодня свидание. Пару недель назад на одном из светских раутов я познакомился с баронессой, хрупкой миниатюрной брюнеткой с огромными карими глазами и пухлыми губками. Звали ее Лионой, и она была вполне в моем вкусе. То, что должно было случиться, случилось на втором свидании. Лиона оказалась страстной натурой, и мы быстро поладили.

Единственным недостатком Лионы являлся ее муж, служивший по фискальной части. Частые служебные поездки заставляли бедную девушку плакать в одиночестве, и я по возможности пытался скрасить ее досуг. Баронесса жила недалеко, всего в получасе ходьбы. Что же касается всего остального, то я вскоре стану лучшим в Империи специалистом по лазанью в чужие окна. А немного адреналина от постоянного ожидания возможного внезапного возвращения мужа добавляло встречам особую прелесть.

Прицепив шпагу и прикрепив к предплечью левой руки скрытые под рукавом ножны с небольшим стилетом, я вышел из дома. Стиллет стал новым оружием в моем небогатом арсенале. Изготовленный кузнецом по специальному заказу, клинок мог использоваться и как метательное средство. Метал я его пока из рук вон плохо, но иногда и этого было достаточно.

Не так давно я оборудовал в своем доме небольшой тренировочный зал. Стараясь использовать свободное место

как можно экономнее, мне удалось вместить в него множество приспособлений и тренажеров, расположенных по периметру комнаты. В правом от входа углу висел кожаный мешок, набитый песком. Всегда предпочитал этот весьма простой в изготовлении и очень эффективный снаряд. В левом — стойка со штангой, изготовленная местным кузнецом. Кузнец уже давно не удивлялся странностям моих заказов. Как говорится, было бы оплачено. Занятия с отягощениями всегда доставляли мне удовольствие, и я не собирался от них отказываться. Всю центральную часть комнаты я отдал фехтованию.

Два-три раза в неделю ко мне приходил невзрачный человек, отменно владеющий многими видами холодного оружия. Скрытный, со странными привычками, но тем не менее настоящий мастер. Брать с меня плату он отказался, объясняя это тем, что сам получает удовольствие. Мы спарринговали до изнеможения. Мне было чему у него поучиться, но и сам не раз удивлял мастера. Нашел я его через одного из друзей, гвардейского офицера.

А вот с огнестрельным оружием мне никак не удавалось подружиться так, как хотелось бы. Все-таки я привык к другому оружию. Кремневые пистолеты казались мне игрушечными самопалами, какие мы мастерили в детстве. Да и как можно серьезно относиться к тому, что в любой момент может подвести тебя осечкой.

Я часто выезжал за город, в расположение кирасирского полка, где находилось тренировочное поле для кавалеристов. Рубка на скаку — достаточно трудное занятие, требующее определенных навыков. Я стал там частым гостем, быстро приобретя популярность благодаря игре на гитаре.

Люди, многие служаки не в первом поколении, в большинстве своем прямые и открытые, никогда не отказывали мне в советах и наставлениях. Я же с удовольствием присутствовал на многочисленных вечеринках, исполняя немного переделанные песни. Репертуар определился быстро, и с некоторых пор я стал желанным гостем в полку. А несколько выигранных учебных поединков добавили ко мне уважение как к бойцу. Мне даже предлагали ступить на военную

стезю, но мои жизненные планы лежали в несколько иной плоскости. Словом, я вел активный образ жизни, не давая себе времени на досужие размышления. Все это немного помогало заглушить тоску по Диане...

Я шел в сгущающихся сумерках, предвкушая близость встречи с баронессой. Очень милая особа и страстная любовница — я уже начинаю немного ревновать ее к мужу. Глупо, конечно, но что тут поделаешь. Голова моя рождала всяческие эротические фантазии, напрямую связанные с ней. Оставалось совсем немного, всего лишь перейти мост через Лонгу, приток Арны, самой крупной реки Империи, повернуть направо и пересечь сквер с небольшим фонтанчиком. А там все привычно — перелезть через стенку, прокрасться вдоль фасада здания, взобраться по декоративной решетке, увитой плющом, на второй этаж и проскользнуть в специально оставленное открытым окно. Чтобы шпага не путалась в ногах во время карабканья, пришлось придумать нехитрую сбрую. С ее помощью шпага крепилась на спине, что значительно удобнее. Ниндзя, блин!

Внезапно вспомнилась Диана, и настроение резко испортилось. Решив, что малышка-баронесса немного подождет, я перешел мост и свернул налево. Метров через триста по набережной располагался кабачок «У Ондоро» — небольшой, уютный, с неплохой кухней и отличным вином. Брат Ондоро, владельца таверны, имел собственные виноградники и обеспечивал его очень приличными винами. Публика здесь собиралась разношерстная, но вполне пристойная. Можно встретить и дворянина, и расторговавшегося сельского жителя, и владельца мастерской, и даже преподавателя Имперского университета, расположенного неподалеку. Толерантность в Империи на высоте, слов нет.

Поприветствовав хозяина заведения, я уселся за столиком у окна. Подлетевшая служанка смахнула несуществующую пыль со стола и замерла в ожидании. Заказав бутылку красного вина, сыра и зелени, внимательно осмотрел зал. Первым, кто попался на глаза, оказался высоченный плечистый парень с простоватым, если не сказать больше, лицом. Эдакий увалень. Вот его лицо как раз и привлекло мое

внимание. Выражение растерянности и обиды настолько легко читалось на нем, что парень походил на большого ребенка, у которого обманом забрали любимую игрушку.

Все здесь понятно без слов — провинциального простака отработали по полной программе. Но вот лицо его мне понравилось: простое такое, открытое. Парень все не мог успокоиться, в который раз осматривая карманы, заглядывая под стол и озираясь по сторонам. Но всему есть предел, и до него наконец дошло.

Недоумение сменилось выражением ярости. Какое-то время он оглядывал посетителей, высматривая обидчиков. Наконец, осознав, что случившегося не вернешь, направился к выходу.

— Эй, парень, — окликнул я его, когда тот проходил мимо. — Не сочти за труд, присядь на минутку.

Он приостановился и вперил в меня взгляд, надеясь, вероятно, выместить на мне злость. Затем, разглядев рукоятку шпаги, торчащую из-под стола, сник.

— Присядь, присядь. Возможно, я смогу тебе помочь. Да и что ты теряешь, в конце концов?

Нерешительно потоптавшись, он все же уселся напротив. Жестом показав служанке повторить заказ, я повернулся к предполагаемому собеседнику:

— Ну рассказывай.

— Что рассказывать-то, ваша светлость?

— Я не «ваша светлость». «Ваша светлость» — это обращение к графу, а я всего лишь барон. Рассказывай с самого начала: кто такой, откуда взялся и что у тебя случилось.

Я налил ему вина, пододвинул тарелки и приготовился слушать.

Звали парня Проухв Сейн, и родом он был из захолустного даже по местным меркам приморского городка. Единственный сын мелкого ремесленника, остальные все дочери. Здоровьем и статью Господь его не обидел, а вот учеба давалась нелегко. Только и научился, что считать до ста да расписываться. Зато силы у парня было немерено. Тесно стало ему в родном городке, и решил Проухв податься в столицу. Где, как не там, можно реализоваться? Жаждал он

славы, золота и приключений — в любом порядке и в любых количествах. Подобно Ломоносову, Проухв добрался до Дрондера с рыбным обозом, только рыбу везли не мороженую, а соленую и вяленую. Пожив в столице некоторое время, он с удивлением обнаружил, что роковые красотки не вешаются ему на шею, что золота много, но все чужое, а приключения обходят его стороной. Загоревал парень и совсем уж было домой засобирался, но познакомился с хорошими людьми, которые много чего ему наобещали. Вот и пришли в кабак отметить это событие. Дальше мне и самому все было известно.

— Что делать собираешься? — поинтересовался я.

— Не знаю еще, ваша светлость. Можно в солдаты подаваться, да уж больно там порядки строгие. Домой возвращаться стыдно — засмеют меня. Делать я ничего не умею, отцу помогал, конечно, да что с того? Баржи грузить в речном порту — вот и все, что остается.

— Я не «ваша светлость», запомни. Есть у меня к тебе предложение, Прохор, — переименовал я его имя на свой манер. — Иди ко мне в услужение. Приключений тебе обещаю много, а там, глядишь, и подвиги подвернутся. Вот и сейчас предстоит мне одно дело, очень опасное, но и заработать можно хорошо, причем честно. Я сам здесь один как перст, мне нужны надежные люди. Об оплате договоримся, не обижу. Но смотри, сразу предупреждаю: слушаться беспрекословно! Скажу упасть — падай хоть в лужу, скажу стоять на одной ноге — стой хоть до вечера... Подумай хорошо. Надумаешь — жди меня здесь же вечером, перед закатом. С вещами. Все, думай!

Оставив ошеломленного предложением Проухва, я поспешил к баронессе Лионе.

Проходя мимо моста, услышал звон клинков и приглушенные ругательства.

«Оно мне надо?» — подумал я и ускорил шаг. Однако через несколько шагов пришла другая мысль: «А может, действительно надо?» — и поспешил на звуки продолжающегося боя.

Примерно на середине моста моим глазам открылась

следующая картина: три человека с яростью нападали на четвертого, прижатого к перилам. Еще один стоял на коленях, зажимая рукой рану на груди. В таких случаях трудно принимать чью-то сторону, не зная всех обстоятельств. Соотношение сил еще ни о чем не говорит. Обороняющийся человек в равной степени может оказаться и подлецом, и героем. Это мне и предстояло выяснить, и немедленно.

— Добрый вечер, господа, — поприветствовал я собравшихся дуэлянтов. — Не сочтите за труд объяснить мне правила, по которым происходит ваша дуэль. Вам не кажется, что соотношение сил в корне противоречит дуэльному кодексу? Если вы подзабыли этот святой документ, сочту за честь вам его напомнить.

Мне важна была реакция на мое появление. Ручаюсь, если нападающие — приличные люди и преследуют благородные цели, то попытаются объяснить мне столь неспортивное поведение.

Но этого не произошло. Один из нападавших, по всей вероятности старший, бросил какую-то неразборчивую команду, и от группы отделился человек. Его очевидные намерения не вызывали ни малейших сомнений.

У японских самураев есть такая техника — не помню, как она называется, — когда удар наносится сразу после того, как катана покинула ножны. Фактически это одно движение. Так вот, готов поспорить с кем угодно, что со шпагой такое тоже возможно. Пока мой противник приближался ко мне, я спокойно стоял, придерживая ножны шпаги левой рукой. Но как только он пересек незримую границу, сделал выпад. Давно хотел попробовать эту технику, но все не было подходящего случая.

Перешагнув через еще агонизирующее тело, я подошел ближе. Существовала вероятность того, что нападающие и защищающийся объединятся против меня — такое бывает.

Еще одна команда — и следующий противник предстал передо мной. Наши клинки со звоном скрестились, разошлись, снова скрестились. Весьма посредственная техника — даже мне это понятно. На следующем выпаде он чуть-чуть провалился, и это стоило ему жизни. Прямо из

четвертой позиции я нанес колющий удар, благополучно достигший цели. Все, противники остались один на один. Тщательно протерев шпагу, я спрятал ее в ножны.

И эта схватка оказалась недолгой. Сломленный потерей товарищей, последний из нападающих пропускал удары один за другим и после третьего рухнул на землю.

Человек, только что отправивший к праотцам своего соперника, пару мгновений переводил дыхание, присматриваясь ко мне. Я тоже стоял, дожидаясь, чем все это закончится. Горящие на мосту фонари не давали много света, но и того, что было, хватало, чтобы рассмотреть человека примерно моего возраста, чуть выше среднего роста, обладателя щегольских усов с закрученными кверху кончиками. Наконец он отыскал ножны, вложил в них шпагу, поднял валявшуюся неподалеку шляпу и изобразил ей приветствие.

— Позвольте представиться. Меня зовут барон Анри Коллайн, и мне хотелось бы знать, кому я обязан жизнью, — произнес единственный, кроме меня, оставшийся на этом мосту в живых.

— Артуа де Койн, барон. Если это представляется возможным, объясните, что здесь произошло.

— Подождите буквально пару минут, сударь, пока я избавлюсь от трупов. Эти люди не заслуживают погребения, уж поверьте мне на слово.

Несколько минут я наблюдал, как Коллайн сбрасывает тела в воду с моста. А вот их клинки он собрал, завернув в свой плащ. Странное дело, до сих пор не объявилась стража, обычно вездесущая, но, может быть, это и к лучшему.

— Вот теперь можно и поговорить. Хотя я предпочел бы делать это за стаканом доброго вина. Кстати, вам принадлежат две шпаги из четырех. Не бог весть что, но пару золотых за все вполне можно выручить.

— Отложим это дело на потом, — сказал я. — Пока же предлагаю пройти в таверну. Здесь недалеко.

— В любом случае вино за мой счет. И еще: можете рассчитывать на мою шпагу. Я уже успел попрощаться с жизнью. Четверо противников — это много даже для меня.

Мы почти сошли с моста, когда мой новый знакомый приблизился к перилам и решительно отправил сверток с клинками врагов в воду.

— Что подвигло вас на такой поступок? — не преминул поинтересоваться я.

— А-а-а, не хочется быть мелочным, — беспечно махнул рукой тот. — В свою очередь позвольте спросить о причине вашего интереса. Вы пожалели о той части денег, которую уже считали своей?

— Вовсе нет. Я лишь беспокоюсь о рыбаках, водящихся в этой реке. Вполне возможно, что вы нечаянно проткнули одну из них острием клинка из вашего свертка.

Барон заразительно расхохотался, хлопнув меня по плечу.

Мы вернулись в таверну «У Ондоро». Самого Ондоро уже не было, за стойкой стоял его сын — не помню, как его имя. С Анри мы проговорили часа три, если не больше. Его история оказалась чем-то похожей на мою с той лишь разницей, что он урожденный барон.

Его угораздило попасть не в то время не в то место. Став невольным свидетелем одного весьма неприглядного события, он подписал себе приговор. И если бы не мое удачное вмешательство, этот приговор уже был бы приведен в исполнение. Он не стал распространяться на эту тему, а я не стал настаивать.

С возрастом я угадал. Коллайн оказался старше меня на пару лет, имения нет, в столицу прибыл, как и я, в поисках лучшей судьбы.

Чем дольше мы с ним разговаривали, тем больше он мне нравился. Общались мы на различные темы, перескакивая с одной на другую, словно пытаюсь составить друг о друге наиболее объективное мнение.

Усы делали барона несколько легкомысленным на вид, но цепкий взгляд выдавал в нем умного и проницательного человека, достаточно битого жизнью, чтобы не ждать от нее слишком много хорошего. И еще мне понравилось, что после недавних событий он мог спокойно сидеть и рассуждать о появившейся среди столичных дам моде на шляпки с вуалью.

Нет, дело не в том, что совсем недавно он лишил жизни пару человек, а теперь сидит, не испытывая ни малейшего угрызения совести. Это и меня уже нисколько не напрягает, прошли те времена. Но мост буквально в двух шагах отсюда, и вполне вероятно, что в таверну в любой момент могут нагрянуть стражники или сообщники наших недавних врагов. А он само спокойствие!

Бывает так, что видишь человека первый раз, совсем не знаешь его — и все же чувствуешь к нему симпатию. Барон — это как раз тот случай. Поговорив еще некоторое время, я все же решился и сделал ему предложение. Мой новый знакомый как будто бы ждал его и нисколько не удивился, когда оно прозвучало.

На предложение составить мне компанию в экспедиции на запад Коллайн, не задумываясь, ответил утвердительно. Я не стал объяснять ему всех подробностей, а он и не настаивал. Договорились и об оплате, и о том, что пока барон проживет в моем доме, поскольку родственников в столице у него не имелось.

Сославшись на неотложные дела, я раскланялся и поспешил к Лионе.

«А ведь чуть не прошел мимо, — подумалось мне. — Никогда не знаешь, где найдешь, где потеряешь».

Моя милая девочка конечно же не дождалась меня. Она сладко спала, подложив под голову ладошку. Ошеломленная моим напором, сонно хлопая глазами, она тем не менее приняла активное участие в процессе. Адреналин, выброшенный в кровь этой ночью, требовал выхода. А что может быть в этом случае лучше женской ласки?..

«Какой хороший у меня вкус, — думал я расслабленно. — Удивительно приятная во всех отношениях женщина».

— Завтра приезжает мой муж, — сказала она.

Муж — это всегда плохо. Чуть ли не первый раз в жизни я нарушил свой принцип, касающийся замужних женщин. Но слишком уж Лиона была славная женщина, да и узнал я о ее замужестве только после того, как у нас все случилось.